

А. А. Турилов

Заметки о киевских граффити

Надписи XI–XIV вв., сохранившиеся на стенах культовых зданий Древнего Киева, занимают особое место в истории восточнославянской письменности старшего периода. В условиях почти полного отсутствия (либо малой пока степени выявленности) других памятников бытовой письменности на южнорусских территориях до XIV в. (берестяные грамоты представлены здесь к настоящему времени, как известно, лишь единичными находками) они являются для данного региона основным комплексом источников по этой проблематике. Киевский корпус, состоящий более чем из 400 надписей, в течение многих лет выявлялся, публиковался и исследовался С. А. Высоцким [Высоцкий 1966; он же 1976; он же 1985]. В оценке трехтомного труда исследователя нельзя не присоединиться к мнению В. Л. Янина, назвавшего эту работу выдающимся жизненным подвигом ученого [Янин 1992: 22]. Однако признание заслуг отнюдь не означает полного согласия со всеми наблюдениями, прочтениями и интерпретациями. В этом смысле свод С. А. Высоцкого содержит немало по меньшей мере спорного, и статья В. Л. Янина, предложившего новые, более исправные, прочтения 19 граффити [Янин 1992: 22–30, №№ 23, 46, 50, 52, 63, 67, 107, 108, 120, 124, 135, 144, 146, 175, 198, 199, 236, 307], наглядно свидетельствует об этом. Здесь еще раз следует воздать должное С. А. Высоцкому: сопровождающий свод иллюстративный материал (фотоснимки и прориси) отличается, как правило, высоким качеством, позволяющим корректировать прочтения и интерпретации автора. Вообще же обращение различных исследователей по прошествии времени к опубликованному ранее материалу (будь то берестяные грамоты, памятники эпиграфики или палимпсесты) нередко бывает весьма плодотворным. Прекрасный

пример этому последние опубликованные тома повгородских берестяных грамот с исследованиями А. А. Зализняка и В. Л. Янина [Янин 1986; он же 1996] и уже упоминавшаяся статья последнего, посвященная эпиграфическим памятникам [Янин 1992]. Сам С. А. Высоцкий, кстати, тоже обращался к повторному прочтению опубликованных в первой из своих книг граффити. В словаре софийских граффити [Высоцкий 1976: 446-453] помещены исправленные чтения, отличающиеся (порой существенно) от первоначальных, к надписям 23 [Высоцкий 1976: 450, стб. 2; 452, стб. 3; 453, стб. 2], 63 [Высоцкий 1976: 451, стб. 2], 67 [Высоцкий 1976: 448, стб. 3], 159 [Высоцкий 1976: 452, стб. 3]. Однако факт внесения этих изменений обойден во втором томе свода молчанием, равно как нет и новой интерпретации исправленных чтений, которые в силу этого утонули на страницах (хотя и немногочисленных) словаря-указателя. Немудрено поэтому, что В. Л. Янин в своей статье не учитывает этих исправлений, т.к. по сути дела они остались ему неизвестны.

В. Л. Янин посетовал в статье на невнимание лингвистов к данному роду источников. С тех пор положение несомненно изменилось к лучшему — практически одновременно со статьей вышла в свет монография Т. В. Рождественской, посвященная новооткрытым памятникам эпиграфики [Рождественская 1992]. В ней автор, кстати, попутно предлагает новые прочтения ряда граффити, опубликованных С. А. Высоцким [Рождественская 1992: 15, 20, 138, 142, №№ 221, 128, 38, 103], хотя и повторяет ошибки первоиздателя в отношении прочтения надписей 120, 144, 169 [Рождественская 1992: 136, 138]. В последние же годы появились статьи и заметки о киевских граффити В. Э. Орла [Orël 1995а; Orël 1995б; Орел 1997] (которым в ближайшем будущем обещана и монография на эту тему [Орел 1995: 234]) и А. Кулика [Орел, Кулик 1995], А. Б. Страхова [Страхов 1995] и К. Лефевр [Le euvre 1997], пока, впрочем, достаточно малоинформативные (в частности, предложенные А. Б. Страховым варианты прочтения граффити 38 и 46 [Страхов 1995: №№ 3, 4], не учитывают конъектур, соответственно, Т. В. Рождественской [Рождественская 1992: 138] и В. Л. Янина [Янин 1992: 23], предпочтительность которых не вызывает сомнений). Предлагаемая же статья написана человеком, не имеющим лингвистического образования, то есть в каком-то смысле тенденция, отмеченная В. Л. Яниным, продолжает сохраняться. Полагаю, однако, что многолетний опыт работы со славянской рукописной книгой, палеографические навыки, знание текстов и формуляров записей (имеющих много общего с формулярами эпиграфических памятников), а также постоянное научное об-

щение с языковедами дают основание и возможность предложить ряд исправлений и уточнений к опубликованному корпусу киевских граффити. Проблемы их датировки и палеографии требуют отдельного обстоятельного исследования, хотя некоторые коррективы возникают уже в процессе новых прочтений.

Нумерация и датировка надписей следуют за изданием С. А. Высоцкого, несогласие с датировкой издателя оговаривается в комментариях. Границы строк в надписях обозначаются двумя косыми чертами.

* * *

№ 23. XII в. [Высоцкий 1966: 59, табл. XXV, 1; XXVI, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **съподовн ма грѣшн[а]//го отъче хвьда не по//би снѡу азъ съ онѣми // чръницѡми**. Его перевод: «Удостой меня, грешного Федора, отче, и не побей слова, я с теми чернецами». Впрочем, интерпретация средней части надписи вызвала у публикатора достаточно сомнений. «Между строк надписи Воинга (граффито № 22 — А. Т.), как раз посередине, читается “от чех”, т. е. от чехов, по твердой уверенности в таком чтении нет. Возможно, этот фрагмент следует читать как “отче” или “старче”, но тогда неясно, какое слово начинается на букву х, быть может, Хвод или Хвед (испорченное от “Федор”). Запись представляет обращение к Онуфрию, которого вполне можно назвать “старче”... В записи идет речь о выполнении какого-то обета».

Пример достаточно характерен для методики работы С. А. Высоцкого в тех случаях, когда прочтение в силу каких-либо причин оказывается затруднительным. В основу реконструкции и интерпретации кладется догадка, при этом автор исходит из убеждения в низкой грамотности писавшего, что обеспечивает необоснованно широкую свободу истолкования (ср. мнение В. Л. Янина [Янин 1992: 22]). Представления о неграмотности писцов бытовых текстов не являются индивидуальной особенностью С. А. Высоцкого, это скорее примета времени (для граффити, возможно, еще и подспудно подкрепляемая примерами «заборной эпиграфики» XX в. с ее действительно низким уровнем грамотности): достаточно вспомнить оценку первыми исследователями повгородских берестяных грамот с их специфическими графико-орфографическими системами, как написанных «малограмотными людьми или даже нерусскими» [Янин 1986: 93].

Из словаря, приложенного к тому 1976 г., можно заключить, что в это время издатель читал окончание надписи следующим образом:

...сѣче хѣвъ да неповисноу(!) азъ съ онѣми чръницѣми [Высоцкий 1976: 452, стб. 3; 453, стб. 2; 447, стб. 3; 450, стб. 2; 453, стб. 3]. С прочтением первых слов как «святче Христов», разумеется, нельзя не согласиться.

В. Л. Янин при прочтении этого граффито [Янин 1992: 22-23] указал на произвольность первоначального прочтения и истолкования публикатора. Проверив транскрипцию С. А. Высоцкого, он установил следующее: «Следы буквы **а** в слове “грѣшьнаго” обнаруживаются не в конце первой, а в начале второй строки; во второй строке после букв **хѣ** следует читать не **ѣ**, а **ъ**; в третьей строке вторая буква не **и**, а **ѣ**; в той же строке после **оу** имеются следы еще одной буквы, от которой сохранились мачта и горизонтальная перекладина вправо, что может соответствовать только **ю**; наконец, буквы **хѣ** во второй строке покрыты титлом». Чтение В. Л. Янина: **съподови ма грѣшьнаго отѣче хѣвъ да не повѣсноую азъ съ онѣми чръницѣми**. Сочетание «отѣче Христов» В. Л. Янин толкует как «старец божий», «угодник божий»; «повѣсноую» производит от «повѣсити» (по словарю В. И. Даля — ‘посердить’, ‘подразнить’, ‘постараться вывести из терпения’). Смысл надписи, таким образом, анонимная «молитва о даровании писавшему кротости в его отношениях с какими-то раздражавшими его черницами».

Конъектуры В. Л. Янина к прочтению надписи могут быть приняты, однако, лишь частично, в первую очередь в отношении разбивки на слова. Прочтение третьего слова второй строки как **хѣвъ** не вызывает сомнений, но истолкование сочетания «отѣче Христовъ» как «старец» или «угодник божий» явно натянуто — в этом нет необходимости. Исследователь повторяет здесь ошибку издателя 1966 г. Первая буква второго слова на второй строке не **о** (написание «отѣче» в принципе возможно, но скорее следовало бы ожидать традиционный вариант через «омегу», с выносным **т** или без него), а **с**, и читается оно как **сѣче** (от **сѣтъць** — см. выше). Вызывает возражение и прочтение В. Л. Яниным глагола в конце второй и начале третьей строки. Нужно согласиться с С. А. Высоцким, что вторая буква на третьей строке **и** (а не **ѣ**, как полагает В. Л. Янин), правая половина которой слилась с левым полуокружием **о** из надписи Воинега Журишича (граффито № 22). Первая же буква третьей строки не **в**, как читают оба исследователя, а **ѣ**. Достаточно сравнить начертание **ѣ** в слове «сподови» и **ѣ** в слове «Хѣвъ», чтобы увидеть сходство рассматриваемой буквы со вторым примером, а не с первым: крышка **ѣ** заканчивается правее петли, а у **ѣ** верхняя петля уже ниже. Буква между **оу** и **а** в третьей строке, наличие которой справедливо отмечает В. Л. Янин, по всей видимости не **ю**, а **и** (следов пра-

вого полуокружия на снимке не заметно), она не завершает слово, а служит союзом. В целом надпись читается: **спѡдоби мѧ грѣшнѣи//аг<о> стѣче хѣбъ да не по//висноу и азъ съ онѣми // черницами.**

Разумеется, такое прочтение («Сподоби меня грешного, свяоче Христов, дабы и мне не повиснуть (чтобы и я не повис) с этими черницами») не в меньшей мере пуждается в объяснении. Наиболее правдоподобным кажется мне следующее. Надпись могла быть сделана под впечатлением от фрескового изображения, находившегося неподалеку (по соседству или напротив) от изображения св. Онуфрия. Но что же было изображено на утраченной ныне фреске, как выглядели эти «висящие черницы»? Проще было бы, если бы речь шла о иноках мужского пола. В этом случае с большой степенью вероятности можно было предполагать, что речь идет о композиции «Видение небесной лестницы» Иоанна Синайского (Лествичника). На этой широко известной композиции, существование которой (правда, в книжной миниатюре) засвидетельствовано уже памятниками XI в. [Смирнова 1994: 185-186], нерадивые монахи, не достигшие иноческого совершенства, изображаются падающими, как бы висящими на ступенях, а иногда и действительно висящими и увлекаемыми вниз бесами. Но в надписи, как справедливо заметил В. Л. Янин, несомненно употреблен женский род множественного числа [Янин 1992: 22]. Упоминание висящих грешников характерно для средневековых памятников, принадлежащих к жанру «видений» или «откровений». Быть может, в одном из них, например, в Житии Василия Нового или Андрея Юродивого, Видении Феодоры или другой повести о посмертных мытарствах душ, удастся со временем найти подходящий эпизод с монахинями и узнать, за какое же преступление безымянный писец надписи боялся «повиснуть с ними». Во всяком случае, поиск литературно-иконографического источника представляется наиболее перспективным путем исследования.

№ 47. XII в. [Высоцкий 1966: 91, табл. XLV, XLVI]. Чтение С. А. Высоцкого: **сты пантелѣимоне // помилю раба // свокго.** «Левая часть третьей строки, как и какая-то приписка к граффито справа, зачеркнута».

Как видно на фотографии и на прориси, после **ѣ** стоит не **и**, а **ѣ** «иотованное»: **пантелѣѣимоне.** В левой части третьей строки читается, по всей видимости, имя писца: **Ми(х)и(л)** — «**Ми(х)и(л)**». Левая и правая части буквы **м** написаны на разных уровнях (левая выше) и име-

ют разный угол: левая острый, правая почти прямой, при этом правая часть слигатурирована с буквой и. **Ж** и **л** написаны над строкой.

№ 58. XIII в. [Высоцкий 1966: 99-100, табл. LVII; LVII, 2]. Чтение С. А. Высоцкого (**кволъ/на џ[л̄ъ]**) в общем не вызывает возражений. Однако, едва ли можно согласиться с мнением, что «надпись, по-видимому, осталась недописанной, судя по отсутствию в ней окончания **лъ**». Столь же вероятно, что во втором (и последнем) слове утрачена лишь одна буква **а** (**а** — «писа»). Трудно принять также предложенную разбивку на слова и связанную с этим интерпретацию: «считая, что имя “Кволыца” сомнительно, читаем запись следующим образом: “Кволы написал...”, где “кволы” — слабый, болезненный» [с. 100]. Обычный формуляр надписи — «имярек писал» или «писал имярек» (т. е. именно **кволъна џа**), а о телесных или душевных недугах и невзгодах сообщается лишь после этого.

В пользу датировки граффито XIII в., кроме примет, указанных издателем, свидетельствует также начертание **ъ** с перемычкой, соединяющей левую и правую части, не встречающееся обычно позднее этого столетия.

№ 59. XIII в. [Высоцкий 1966: 100, табл. LVIII, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **се азъ грешны[и] // никола [на]пса//хъ мь[л]а са // гѣ и бѣ свое//мѣ да збави//ть [м]а - щисль//ныхъ [гре]хъ // моухъ**. Перевод: «Это я, грешный Никола, написал молясь господу и богу моему, во избавление меня от многих грех моих». Третье слово в шестой строке, не восстановленное публикатором, несомненно «безчисленных» (**бещисленыхъ**). При публикации не учтены утраты букв из-за трещины, последняя буква в первой строке передана почему-то как **[и]**, хотя на фотографии и прориси отчетливо видно **ѣ** с двумя точками над вертикалью. В четвертой строке отчетливо виден носик буквы **ѣ** в слове **бѣ[ѣ]**. Последняя буква в шестой строке не **е** (как в публикации) и не **и** (как на прориси), а по всей вероятности **ь** с широкой и довольно высокой петлей (**бѣщисль//ныхъ**). Полностью надпись восстанавливается следующим образом: **се азъ греш[ь]ныхъ // никола [на]пса//хъ мь[л]а са // гѣ и бѣѣ свое//мѣ да (и)збави//ть ма (бѣ)щисль//ныхъ [гре]хъ** (так, судя по первой строке, или **грѣхъ** — этимологически) **моухъ**. Содержание в истолковании не нуждается.

№ 67. XIV в. [Высоцкий 1966: 105, табл. LV, LVI, 3]. Чтение С. А. Высоцкого: **+ артемиос // помлоуи ма // грѣшьника // ѣъ: азъ твоа // стиѣх+ ра[б]нархиса**. Интерпретация издателем двух последних строк (первые не представляют трудности): «В начале чет-

вертой строки значится **iw** под титлом, что, вероятно, является счетом так называемых «зачал» — отрывков, читаемых в церквах. Далее следует отрывок с неясным смыслом: «я твоя святых, раба пархиса (?)». Прочтение и впрямь невразумительно, к примеру, невозмож-но вообразить зачало с номером 10, 800.

В. Л. Янин предложил следующую интерпретацию надписи: «Разумеется, **iw** никакого отношения к “зачалам” не имеет, а обозначает привычное сокращение имени Иоанн. В последней строке между буквами **χ** и **ρ** начерчано **ϕ**, а не крест, как в транскрипции издателя. Восстановленная же им **в** является лишь логически исходящей из его осмысления надписи: на прориси С. А. Высоцкого эта деформированная буква ближе всего к **Π**. Предлагаемое чтение конца надписи: **азъ твоя стихѣра панархиса**, т.е. “я твоя песнь всемогущая”» [Янин 1992: 25].

Вообще за последнее время граффито № 67 пользуется повышенной популярностью среди исследователей. Не зная работы В. Л. Янина, к близким выводам пришла французская исследовательница К. Лефевр, посвятившая надписи специальную статью [Le Feuvre 1997: 327-336]. Она верно интерпретировала сокращение **iw** и реконструировала слово **стихѣра**, и так же склонна рассматривать последнее слово как грецизм (но, в отличие от неизвестного ей предшественника, читает его как **пан(т)архика** — с пропущенным **т**). Кроме того, Лефевр обратила внимание на выносную букву над последним словом; правда, прочла ее как «пси» и считает сокращенным написанием **ψα** («лиса»).

Исправления В. Л. Янина абсолютно верны, кроме последнего — ключевого — слова. Две первые его буквы действительно деформированы, и если вторая из них **а**, то по рисунку она не имеет аналогий в надписи, где представлена шестью примерами. Слово, однако, восстанавливается бесспорно.

Правильное прочтение и истолкование (кроме последней буквы) последней строки (**стихѣра [κ]анархиса**) дал в примечании от издателя к статье В. Э. Орла А. Б. Страхов [Orël 1995а: 283] (интерпретация надписи в самой статье настолько фантастична, что не заслуживает критики [Orël 1995б: 282-283]).

Действительно, последнее слово в этом граффито глагол прошедшего времени единственного числа. Ни один из исследователей (за исключением К. Лефевр, но она, как уже говорилось, читает выносную как «пси»), писавших о надписи, не придумал значения выносной букве **χ**, написанной под угловым титлом над буквой **с** в этом слове, и хорошо видной и на фотоснимке и на прориси. С учетом этого слово может читаться только как **[κ]нархиса(χ)** или **[κα]нархиса(χ)**,

т. е. возглашал в церкви [ср.: Срезневский 2: 1268]). Итак, в целом надпись читается следующим образом: + артемиос // помилуй мя // грѣшника // іѡ [іѡанна] азъ твоѡ // стихѡра [ко]нархиса(х), т. е. «Артемиий, помилуй меня, грешника Иоанна, (ведь) я твои стихиры (= стихиры тебе) возглашал». Надпись представляет автограф одного из первых известных по имени древнерусских канонархов.

Датировка граффито, предложенная С. А. Высоцким (XIV в.), представляется неоправданно поздней. Приметы, отмечаемые им, как присущие этому столетию («несимметричное **в** и **га** с косой перекладиной, соединяющей обе части буквы»), в действительности имеют аналогии в гораздо более ранних памятниках, в том числе и южно-русского происхождения. Несимметричное **в** (верхняя петля меньше нижней) встречается уже в Галицком Евангелии 1144 г. [Сводный каталог 1984: № 53, таблицы], нотированном Стихираре 1156–1163 гг. [Сводный каталог 1984: № 54, табл. 6] и в Добриловом Евангелии 1164 г. [Сводный каталог 1984: № 55, таблицы]. Расстояние же между левой и правой частями буквы **га** так мало, что судить о степени ее наклона весьма затруднительно. Но то, что она приходится на середину высоты буквы, свидетельствует скорее в пользу ранней датировки. Наиболее вероятно датировать надпись Иоанна второй половиной XII — первой половиной XIII в.

№ 120. XII в. [Высоцкий 1976: 42-43, табл. XXVI, XXVII, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **пищанъ ѡлѣ въд//въ дыакъ ходивъ // въюж-ченникомъ**. Интерпретация следующая: «Пищан писал, к дякам ходив выучеником»; перевод игнорирует последние три буквы первой строки: по мнению публикатора, «автор повторял каждый раз начальные буквы переносимых строк» [Высоцкий 1976: 42]. Эта идея своеобразной кустоды (дублирования начальных слов на предшествующей странице — прием, получивший распространение со второй половины XVI в. первоначально в украинско-белорусской книге под влиянием западноевропейской) нашла поддержку и развитие в рецензии В. В. Колесова. В частности, он писал: «В № 120 (с.142) скорее следует читать **оученикомъ**, а не страшное для XII в. **выоученикомъ** — поскольку в этой записи начало каждой строки повторяет конец предыдущей, ср. «перекличку» строк **«въд»** — **«въд»**, **«въ»** — **«въ»**, следовательно и **ходивъ**, «ходивший», представляет собою полную форму причастия в сочетании с перфектом **ѡлѣ** (что и ожидается в данном случае)» [Колесов 1978: 151].

К переводу дан следующий комментарий: «Автор надписи Пищан (несомненно, это его мирское, некрестильное имя) сообщает, что он написал граффито, когда ходил учиться к дяку в Софию. Из текс-

та надписи не совсем понятно (точнее — совсем неясно. — А. Т.), чему учился Пищан: писать и читать, или, может быть, петь, готовясь к церковной карьере. Надо полагать, он приходил учиться и тому и другому. В пользу этого говорят черты профессионализма, заметные в записи. Чувствуется, что надпись сделана быстро, так сказать, одним росчерком пера (в данном случае — остря). Кроме того, автор употребил совершенно невероятное сочетание букв. В слове “въючеником” вместо оу он написал о с большим “юсом”. Считаем, что этим Пищан хотел подчеркнуть свою ученость. По выражению В. Н. Щенкина, он это сделал “красоты ради, но не истины”...» [Высоцкий 1976: 42]. Далее на основании предложенных прочтения и интерпретации издатель делает вывод, что при соборе, вероятно, «находилась группа молодежи, которая проходила здесь курс обучения» [Высоцкий 1976: 43].

Излишне говорить о произвольности такого толкования. Даже если оставить в стороне опускаемые автором при осмыслении и переводе буквы (см. выше), слова **въ дьякъ**, если принять это чтение, невозможно перевести как «к дьякам» (далее Высоцкий предпочитает говорить о дьяке в единственном числе). Если принять версию публикатора, Пищан был крайне перадивым учеником, писавшим профессионально, но неграмотно. Версия эта о Пищане, учившемся в школе при Софийском соборе, успела проникнуть в историко-педагогическую литературу [Апология 1985: 91, 112] и там ей, как это обычно бывает, суждена, вероятно, долгая жизнь.

Новое прочтение предложено В. Л. Яниным [Янин 1992: 26]. Оно учитывает буквы, опущенные С. А. Высоцким при переводе, как реальные, а не дублетные. Начало фразы таким образом читается: **пищанъ ѡлѣ въд[о]въ дьякъ** («Пищан писал, вдовый дьяк»), с чем нельзя не согласиться. Однако окончание записи исследователь читает вслед за первоиздателем. В результате фраза теряет смысл, т.к. неразрешима загадка, чему же мог учиться великовозрастный вдовый дьяк.

Обратимся еще раз к воспроизведению и прориси граффито. Прочтение В. Л. Яниным начала, как уже сказано, сомнений не вызывает. Более того: на снимке в конце первой строки после **д** отчетливо видна буква **о**, сходная по рисунку с той же буквой в последнем слове последней строки. Не исключено также, что вторая буква в третьем слове первой строки не **ъ** (она сильно отличается по начерку от других примеров), а **ь** — этимологическое **вьдовъ**.

Наибольшую сложность составляет по-прежнему заключительное слово надписи. Хотя Т. В. Рождественская и приводит другие приме-

ры использования **ж** в качестве второй части диграфа **оу** в памятниках эпиграфики [Рождественская 1992: 136], существующее прочтение трудно признать бесспорным.

Сомнений в последней строке не вызывают вторая буква — **ъ** (левая половина **ѣ** по С. А. Высоцкому и В. Л. Янину) и все дальнейшие, за исключением третьей и последней — **...жчеником...**; последняя, очень плохо видная на снимке и на прориси, возможно не **ъ**, а **л**. Но первая буква здесь безусловно не **в**. На снимке хорошо видно, что у нее нет соединения петель с мачтой, она угловатая, без скруглений, в отличие от начертаний в словах «вдовъ» и «ходивъ». Несомненно это **к**, хотя и отличное по рисунку от той же буквы в слове «дьяк»: косые линии расположены здесь под другим углом, нельзя рассмотреть, есть ли у них отвороты. Вторая буква, как отмечено выше, **ъ**, а не **ѣ**. Третья — **м**: на снимке видна левая черта, принятая при прориси за правую половину **ѣ**, и правая половина в форме ланцетовидного **л**, неверно прочитанная как **о**. «Юс большой», таким образом, употреблен здесь этимологически, заключительная часть надписи читается **къ мжченикомъ** или **къ мжченикома** (возможно двойственное число). Итак, дьяк-вдовец Пицан действительно ходил, по не в школу при Софии, а поклониться мощам мучеников. Речь идет, вероятнее всего, или о варягах-мучениках, покоившихся в Туровой божнице, или о Борисе и Глебе в Вышгороде (в обоих случаях по двое святых).

Судя по употреблению **ж**, надпись следует датировать не позднее первой половины XII в. Не связана ли она с одним из торжеств по поводу перенесения мощей Бориса и Глеба: в 1072 или в 1115 г.?

№ 128. Кон. XII—XIII вв. [Высоцкий 1976: 47, табл. XXXIV, XXXV, 2]. Чтение, предложенное С. А. Высоцким (**седа во послѣша//ни оца своего лѣ//чи есте живѹща//го во пѹс[т]ѣни**), сомнений не вызывает. Не исключено лишь, что последняя буква первой строки и в слове «**о(т)ца**» не **л**, а **а** с очень короткой спишкой. Неясна последняя буква в третьей строке. В публикации издатель передает ее как **л**, но в прориси дается **є** с длинным язычком, на снимке виден треугольный значок, близкий по рисунку к приведенным примерам, ниже него, возможно, щербинка или царапина. В последней строке третья от конца буква не **ъ**, а несомненно **ѣ** с перекладиной, соединяющей обе части.

Неприемлемо истолкование смысла записи, сделанное вполне в духе времени (1976 г.): «Надпись, вероятно, следует понимать так. Ее автор по указанию духовника (отца) отмаливает грехи в Софии. Но он находится в состоянии, весьма далеком от религиозного экс-

таза, и сообщает, что только жизнь отшельника в пустыне хуже, чем у него» [Высоцкий 1976: 47]. Разумеется, смысл текста иной, и он не связан напрямую с Софийским собором: послушание духовному отцу более угодно Богу, чем подвиг пустынножительства «земных ангелов». Надпись содержит фрагмент литературного текста, т. е. относится (несмотря на успешные разыскания В. Л. Янина и Т. В. Рождественской) к наименее, пожалуй, изученной категории граффити. На связь текста с морально-назидательными сентенциями справедливо указала Т. В. Рождественская [Рождественская 1992: 20], хотя ее предположение, что он может происходить из сборника типа «Пчелы», и не подтверждается.

Как и в случае с надписью № 108 (отрывок из «Разумов Варнавы и Исихия» [Янин 1992: 25-26; Рождественская 1992: 142-148]) это текст, источник которого известен (и даже широко распространен) в древнерусской рукописной традиции. Это поучение из Скитского патерика [Давыдова 1990: 278, № 166] (включаемое позднее и в некоторые списки патерика Азбучного и Иерусалимского [АИ патерик 1991: 59]), помещаемое обычно в Прологе под 10 апреля как «Слово о послушании». Текст граффито содержит особую редакцию или пересказ начальных слов поучения («Рече старецъ, яко седяи в послушании отца духовнаго, болшу мзду имат, паче сидящаго в пустыни»). Киево-Софийская надпись старше известных славянских списков Скитского (не говоря уже о Азбучном и Иерусалимском) патерика. По древности с нею сравним лишь список древнерусского происхождения первой пол. XIII в. из библиотеки монастыря Высокие Дечаны в Сербии, № 93¹ (в настоящее время собрание находится на депозитном хранении в Народной библиотеке Сербии в Белграде). Та же ситуация наблюдается в отношении мартовского Пролога — списки либо не сохранили чтения под 10 апреля из-за механических утрат [Сводный каталог 1984: №№ 295-298, 472], либо, вопреки традиционной датировке, относятся к более позднему времени [Сводный каталог 1984: №№ 294, 471 — нерв. пол. XIV в.].

Нижний рубеж датировки надписи, предложенный издателем (коп. XII в.), представляется излишне ранним. Более вероятно датировать ее первой половиной XIII столетия.

№ 139. XII в. [Высоцкий 1976: 55, табл. XLVII, XLVIII, 2]. Чтение С. А. Высоцкого: **Г҃И ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ // ФРОЛОВИ... ЧТИЕМЬ.**

¹ Рукопись имеет лишь кратчайшие печатные описания [Теодорович 1956: 209; Богданович 1982: 80, № 1082], из которых нельзя понять, есть ли там это поучение.

Окончание надписи издатель комментирует следующим образом: «В самом конце можно разобрать “тнеемь”, что, возможно, следует читать: “то взявший”, схвативший (?). Если конец записи действительно читался так, то его автор, обращаясь к богу, имел в виду какое-то конкретное дело. Он как будто кается в чем-то».

Если обратиться к фотовоспроизведению и к прориси, то после окончания имени отчетливо видна буква **н**. Третья буква в заключительной группе **с**, а не **ε**. Окончание надписи, с учетом размера утраты, предлога **н<а>** и окончания — **ти**, достаточно надежно реконструируется как **н<а по>ти сьмь** — «на этом пути» (благодарю В. Б. Крысько, предложившего этот вариант). Фрол, таким образом, либо не был киевлянином, либо собирался в дорогу.

№ 140 [Высоцкий 1976: 55, табл. XLIX, 1; L, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **гн̄** и **бже наш[ъ]** // **тє... ла** // **жънамъ**. Издательский перевод и интерпретация: «Господи и боже наш, те [...] ла женам». К сожалению, установить, что именно просит автор для женщин, не удастся». Такое прочтение неприемлемо, поскольку разбивка на слова во второй (после разрыва) части абсолютно произвольна. Вторая буква в поврежденной второй строке **в** (как возможный вариант такое чтение предполагает и С. А. Высоцкий), а не **ε**. У предпоследней буквы в той же строке утрачен низ, и ее в равной мере можно читать и как **л** (прочтение С. А. Высоцкого) и как **д**. Таким образом, окончание надписи читается как **<по>да//жъ намъ**, а вся она в целом, очевидно: **гн̄** и **бже наш<ъ>** **тв<ою мѣсть по>дажъ намъ**. Судя по размеру лакуны во второй строке, слово «милость» могло быть написано только сокращенно, под титлом, возможно с выносным **с**. Не исключено, что надпись была написана по одноперовой орфографии: **ъ** в слове «подажъ» видно отчетливо, а окончания слов «нашъ» и «милость» утрачены.

№ 146. XII в. [Высоцкий 1976: 58, табл. LIII, 1, 2]. Чтение С. А. Высоцкого: **[гн̄] пом[о]з[н] рабѣ свѣ[ем]ѣ игнатѣвн а пръзвищъ мн нма сагататъ а гн̄ нъ бѣю са сьмьти** // **къ тр- - - - дш̄а мѣа [д]нѣ сѣднягъ дѣша мѣа рикающн**. Перевод: «Господи, помоги рабу своему Игнатию, а прозвищем Сагатат; господи, не побоюся смерти [...] душа моя, [ожидая] дня судного, душа моя стопет».

В. Л. Янин [Янин 1992: 28] внес существенные коррективы в прочтение надписи, восстановив начало второй строки, с учетом буквы **т**, хорошо видной на снимке и на прориси, но издателем почему-то проигнорированной (**т[оли]къ трѣпѣщеть дш̄а**), и предложив новое прочтение прозвища (**а пръзвнщъми анима і астатъ**).

Безусловно следует внести поправку и в прочтение окончания первой строки, следующего за прозвищами. Все исследователи

[Высоцкий 1976: 58; Янин 1992: 28; Рождественская 1992: 138] дают следующую разбивку этого текста: **а гн нь бою сѧ съмьти** («А, господи, не боюсь смерти»). Это противоречит устойчивой христианской формуле подчеркивания страха перед смертным часом и Страшным судом (ср. начальные слова поучения Кирилла Александрийского о исходе души от тела и втором пришествии Христа: «Боюся смерти, яко горька ми есть, боюся геены, запе бесконечна есть...» [Строев 1846: 546, № 442]). По всей вероятности **а** в начале этого отрывка не союз, а недописанное **азъ** (ср. ошибочное написание **съмьти**); ошибку в данном случае могло спровоцировать само название буквы. Далее следует одно, а не два слова: **гннь**; формы «господь» и «господин» можно рассматривать как взаимозаменяемые (хотя в словарях отмечается только «господь» в значении «господин» [Срезневский 1: 565; Словарь 2: 367]), но можно указать прилагательное «господиньский» в значении «господский» [Словарь 2: 367]). Замена Е—Ь наблюдается в записи и помимо этого случая. Итак, наиболее вероятное прочтение фрагмента: **а(зъ) гннь бою сѧ съмь(р)ти** («я, Господи, боюсь смерти»).

№ 168. XII в. [Высоцкий 1976: 74-75, табл. LXIX, 1, LXX, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **се азъ гр[ѣ]шьнѣи о[тро]ць // сѣ козма [и] дам[и]ан[ъ] ноно а // ис чрънигова то пшьє ам[инь]** Перевод («Этот я, грешный отрок(?) Иона из Чернигова это пишет. Аминь») со следующим комментарием: «Иона, отрок из Чернигова, обращается к святым Кузьме и Демьяну, которые некогда были изображены в западной галерее».

Интерпретация этой достаточно плохо сохранившейся надписи весьма спорна, особенно объяснение формы «**отроць**» диалектными особенностями Черниговской земли. По всей видимости, последнее слово в первой строке не «**отроць**», а с<гара>**ць**. В окончании второй строки между **а** в слове **дамнанъ** и последней **а** буквы на снимке не отождествляются. В последней строке после названия города читается, по всей вероятности, не **то пшьє а[минь]**, а **пришьдъ**. Перевод загадочного **то пшьє** как «это пишет», разумеется, абсолютно произволен.

№ 169. XII в. [Высоцкий 1976: 75, табл. LXIX, 3, LXX, 3]. Прочтение этой хорошо сохранившейся надписи (**гн помо//зи равоч//дими//трносѣ**) бесспорно, за исключением последней буквы. В действительности ее нет. На снимке хорошо виден знак в форме горизонтальной запятой (дугой вниз), которым обычно заканчивается текст в древнейших рукописях — ср., например, Изборники 1073 и 1076 гг. и Мстиславово Евангелие [Сводный каталог 1984: №№ 45,

51, таблицы]. Поэтому излишне замечание издателя о необычности «сочетания греческой флексии -ос с окончанием древнерусского звательного падежа -ε» (пример вошел и в книгу Т. В. Рождественской [Рождественская 1992: 138]).

№ 170. XII в. [Высоцкий 1976: 75, табл. LXIX, 2, LXX, 2]. Чтение С. А. Высоцкого: **сѣи м[а]ноуир[ъ] помило[ү] // [стран]ника**. Невозможно согласиться с таким «картавым» прочтением имени, которое издатель склонен трактовать как искаженное «Мануил». Между окончанием имени и началом следующего слова нет места для **ъ**, следовательно, последняя буква имени не **р**. Напротив, в начале имени между **м** и гипотетическим **н** могут поместиться две буквы, а не одна. Утрата имеется также между **ү** и **н**. Последняя буква имени, вероятно, **ε** «йотированное». Учитывая сохранившиеся буквы, можно предложить два варианта имени: **м<εр>коү<р>ник** и **м<ар>тоү<р>ник** (Мартирий). Более предпочтительным кажется первый вариант, поскольку частично сохранившаяся буква перед **оү** больше похожа на **к**, чем на **т**. Поврежденное слово во второй строке следует читать, вероятно, как стандартное **<грѣшьн>ника**.

№ 172. XII в. [Высоцкий 1976: 76, табл. LXXI, 1, LXXII, 1]. Большая надпись на фресковой композиции «Жертвоприношение Авраамово», зачеркнутая в древности. Из трех нижних строк (всего их в надписи пять) С. А. Высоцкому удалось прочесть слова: ... **чадо се гѣи // рече аврамъ // отъца чадо**. На основании упоминания имени Авраама издатель счел текст относящимся к изображению и объясняющим его содержание, с чем нельзя не согласиться.

Несмотря на плохую сохранность (первая строка на снимке не видна вообще, от второй просматриваются отдельные буквы) текст надежно опознается и достаточно точно реконструируется. При этом следует иметь в виду, что разбивка на строки в издании абсолютно произвольна. На снимке можно с помощью прориси прочесть следующее: ... //ч... **авѣ...** //... **ча...** **се[.]гѣи** (не **н**, как читает Высоцкий; черта над **г**, видимая на прориси, титлом не является) // **и дрѣ[в]...** **овѣ...** **рече // аврамъ ѣ[ъ] да оү[.ъ]рнѣть о[.]чѣ чадо**.

Текст соответствует библейской книге Бытия, гл. XXII, стихи 7-8, утраченная часть содержала очевидно часть стиха 6.

Паремийный текст (с учетом стиха 6) соответствующего отрывка (вторая паремия в субботу 5 Великого Поста, по рукописи ГИМ, Музейск. 2885, XIV в., л. 56г):

И приатъ же Аврамъ дрова алкаватоснага. и задѣ Исаку сѣноу своиму. и приатъ же в рүцѣхъ огонь и ножъ. и иде оба вкүпѣ. и ре(ч) Исакъ

къ Аврамѹ оцѹ своємѹ. и гла бче. онъ же рече(ч) что ксть чадо. и рече(ч) се огнь и дрова кдѣ ксть овча нже на всесоженок. рече(ч) же Аврамъ бѣ да оузритъ себѣ овча кже на всесъженок чадо.

Четий текст (Сборник библейских книг коп. XIV в. — РГБ, ф. 304.1, № 1, л. 20г):

приатъ же Авраамъ жертвенага дрова и задѣ Исаку снѹ своему. приатъ же в рѹцѣ огнь и дрова и ножъ идоста оба вкупѣ. рече(ч) же Исакъ ко Авраамѹ оцѹ своему. бче. онъ же рече что чадо се огнь и дрова и кдѣ есть овча еже есть клалъкарфосъ. рече(ч) же Авраамъ бѣ да оузритъ себѣ овча. еже на алкарфосъ чадо.

Острожская Библия 1581 г. (л. 9, стб. б):

Вза же Авраамъ дрова требнаа, и дадѣ Исаакъ снѹ своему. вза же и огнь в рѹкѹ, и ножъ, и идоста оба вкѹпѣ. И рече Исаакъ къ Авраамѹ щѣ своему, шче, онъ же рече что есть чадо. се огнь и дрова, гдѣ жъ есть овча на тревѹ. и рече Авраамъ, бѣ да оузритъ себѣ овча еже на тревѹ чадо.

Палея толковая хронографическая (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 619, нач. XV в., л. 26а):

Взатъ же Аврамъ оу отрокъ. полѣна истънанага. и задѣ за плещи Исаку снѹ своему. взатъ же огнь и ножъ в рѹкѹ и пондоста к горѣ оба вкупѣ. рече же Исакъ Аврамѹ оцѹ своему. се огнь и дрова. поцто не видеѣтъ овца въ олкарпосъ. еже на тревѹ. Аврамъ же рече. бѣ да оузритъ себѣ овца. еже на жертвѹ.

Разумеется, ни с одним из этих вариантов текст надписи буквально не совпадает. Первая сохранившаяся строка (первоначально вторая) начинается, по всей видимости, с первого вопроса Исаака: «... и рече/че Исакъ къ Ав[р?]амѹ...». Со следующей строки текст восстанавливается легче: «... что есть чадо се <о>гн<ь> // и дрѣ<ва> кдѣ (к(с)?) овѣ<ча> (и) рече // Аврамъ бѣ да оу<з>ъритъ овѣ<ча> чадо». В целом текст ближе к паремийному и четъему, но в предпоследней строке нет слов «еже на требу» («жертву») — их негде там разместить, опущены они и в последней строке.

Таким образом, хотя и в сильно фрагментированном виде, надпись № 172 сохранила один из древнейших в славянской традиции отрывков ветхозаветных библейских текстов. Известную параллель в этом смысле представляет пересказ соответствующего текста в «Хождении игумена Даниила» нач. XII в. (глава «О Вифлеоме»: «И поя сына своего Исаака на жертву, и заде ему дрова понести и огнь. И рече ему: “Отче, се дрова и огнь, а кое овча”? И рече ему Авраам: “Бог покажет, чадо, нам овча”» [Библиотека 1997: 64].

№ 173. Кон. XII — нач. XIII вв. [Высоцкий 1976: 77, табл. LXXIV, 1; LXXV, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **се азъ грѣш[ь]//ны написах[ъ] // мола са къ...// и къ прочим[ъ]**. Перевод («Это я, грешный, написал, молясь к [...] и к прочим») снабжен следующим комментарием: «Автор, видимо, сообщает, что свою запись он сделал во время молитвы к богу и к прочим святым»(!).

Во второй строке возможно несколько вариантов утраченного слова: «к Богу», «к Господу», «к Спасу», «к Христу». Последняя строка, судя по снимку, читается однозначно: **и къ пречис(тон)**, т.е. к Богородице.

№ 177. XIII в. [Высоцкий 1976: 80, табл. LXXIV, 2; LXXV, 2]. Чтение С. А. Высоцкого: **Никонъ ѱлъ //въ недѣлу по[с]е[ре]//дъ съпаса въ...** Перевод: «Никон писал в неделю среди Спаса». Содержание толкуется следующим образом: «Выражение “в неделю среди Спаса” следует понимать так. В древней Руси, начиная с 1164 г. праздновались два Спаса. Первый из них — 6 августа — отмечался в Византии с IV в., второй одноименный праздник был установлен на Руси в 1164 г. и отмечался 1 августа. Таким образом, выражение “среди Спаса” указывает, вероятно, на то, что надпись была сделана между 1 и 6 августа старого стиля и не ранее 1164 г.»

Произвольность толкования не вызывает сомнений. Праздник 1 августа, учрежденный владими́ро-суздальским князем Андреем Боголюбским в честь победы над волжскими болгарами, до XV в. явно не имел общерусского значения, ограничиваясь Северо-Восточной Русью [Плюханова 1995: 124-131]. Чтобы принять интерпретацию С. А. Высоцкого, необходимо предположение, что надпись сделана выходцем из Владимиро-Суздальского княжества. Но и это допущение мало облегчает ситуацию. По отношению к двум праздникам писец не мог употребить единственное число и «среди» в значении «между». Обращение к снимкам показывает, что в конце второй строки отчетливо видны лишь начальная и конечная буквы слова: **п** и **е**. Правее **п** виден полуовал, который в равной мере может относиться и к **о**, и к **с**, и к **е** (язычок не виден, но, возможно, причина этого в утрате штукатурки). Письмо надписи свободное, и на пространстве между полуовалом и **е** три буквы (**-сер-**) никак не могут разместиться. Единственно возможное в данном случае чтение — **пе<р>е//дъ**. Далее в третьей строке читается **съпас**, затем выбоина на месте буквы, и **въ**. Не исключено, что последняя буква не **ъ**, а левая половина **ы**. Четвертая строка не читается, но под **п** и **а** предшествующей строки видны буквы **ь** и **н**. Наиболее вероятное прочтение окончания записи: **...пе<р>е//дъ съпасо-**

вы//<мъ> (или же съпасовъ//<мъ>, съпас<ъ>въ//<мъ>, съпас<ъ>вы//<мъ> <д>ьн<емъ>...

Ясно также, что в публикации соединены две разные надписи. Почерк первой строки (запись Никона) отличается от последующих, что хорошо видно на примере букв **н** и **л**. Первая буква второй строки (**в**) явно заглавная, с вертикалью в два контура, начинает новый текст.

№ 182. XIII в. [Высоцкий 1976: 82, табл. LXXVI, 1, LXXVII, 1]. Чтение С. А. Высоцкого **нѣремилѡ ѡлѣ**, толкуемое как «Иеремилѡ писал», в отношении имени неприемлемо, т.к. невозможно написание редуцированного после гласной. На снимке видно, что первая буква повреждена, вероятнее всего это **п** — **пѣремилѡ**.

№ 183. XIII в. [Высоцкий 1976: 82-83, табл. LXXVIII, 1, LXXIX, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **штѣ створю//нѣ вѣдѣ // шхъ мнѣ // комѣ при//близю сѧ**. Перевод: «От совершения беды. Ох мне, к причастию приближаюсь». Слово **комѣ** в четвертой строке издатель считает производным от «комѣкати» — причащаться, и толкует в соответствии с этим содержание надписи следующим образом: «У автора надписи есть какие-то грехи; приближается время причащения, когда об этих грехах придется рассказать, о чем он вспоминает со страхом и боязнью. Приближение причащения он связывает с бедой, которую старается предотвратить, написав покаянную надпись».

Произвольность такой трактовки и прочтения очевидна. Даже если допустить, что загадочный **комѣ** это причастие, невозможно понять, почему автор боится причащения, а не предшествующей ему исповеди. Подобно многим другим случаям на материале киевских граффити, писец (если встать на позиции С. А. Высоцкого) умеет писать, но явно не в ладах с родным языком.

Обращение к снимку и прориси убеждает, что первая буква надписи не «омега» (она слишком отличается по начертанию от несомненного случая употребления этой буквы в третьей строке), а **ч** с глубокой овальной чашкой (в этом случае левее буквы и под нею случайные царапины); менее вероятно, учитывая возраст надписи и то, что она находится в Киеве (хотя она могла быть сделана и пришлым человеком), что это **ш**. Третья буква не **ъ**, а **о** каплевидной формы с острым верхом. Третья буква во второй строке с такой же степенью вероятности может быть **в**, как и **б**. Четвертая буква в четвертой строке повреждена, она больше напоминает **ѣ**, чем **ъ**, хотя в соответствии с местным напевом здесь должна читаться именно последняя (благодарю В. Б. Крысько за консультацию по данному вопросу). С учетом этих замечаний надпись читается: **что(што?)**

створю // нѣ веде // комъ (комѣ?) при//ближю сѧ («Что сотворю, не знаю. Ох мне, к кому приближусь [прибегну?]).»

Текст явно имеет литературное происхождение, возможно, это отрывок покаянной(?) молитвы. Можно привести близкие аналогии: тропарь на утрени во вторник в шестом гласе Октоиха («**Что створю ти мои ти не вѣдѣ комѣ сѧ приближю**») и молитву Кирилла Туровского Иоанну Предтече тоже на утрени во вторник («**да что створю не вѣдѣ, н кѣ комѣ прибѣгнѣ**») [Молитвы 1596: 20об.]. Чтение «нѣ веде» не бесспорно, гласные буквы повреждены, особенно предполагаемая ѣ.

185. XIII в. [Высоцкий 1976: 83, табл. LXXVIII, 2, LXIX, 2]. Чтение С. А. Высоцкого: **отпиѧ крзѹ // бы тѹ коли**. Надпись толкуется издателем следующим образом: «Запись начинается словом “отпиѧ”. Надо полагать, что это производное от глагола “отъпичти” — бросить пить. Вторая строка надписи, читающаяся “**бы тѹ коли**”, — понятна, а что касается второго слова первой строки “**крзѹ**”, то, несомненно, это тот предмет, который автор надписи “отпиѧ”, т. е. пропил. Есть основание думать, что речь идет о древнерусской верхней одежде плаще-корзне. Если это так, то надпись должна читаться: “Пропил корзину, когда был тут”. Автор, судя по месту записи в алтаре собора, кается, что будучи в Киеве, пропил одежду».

Прочтение надписи давно вызывало сомнения. Если следовать за логикой издателя, можно сделать вывод, что граффито писалось в весьма сильном «отпичии», если спустя семь веков исследователь не может разобраться, бросил ли автор пить или же пропил плащ. В. В. Колесов, отмечая в рецензии на книгу Высоцкого «интересные лексемы, ср. **отпиѧ крзѹ** (№ 185, с. 83)», справедливо высказывал сомнение в отождествлении «крзы» с плащом [Колесов 1978: 150].

Реальное содержание надписи не имеет с прочтением С.А.Высоцкого ничего общего. Издатель справедливо отмечал необычную (при его прочтении) особенность граффито: «Автор совершенно игнорирует букву ѣ, которую он не поставил в первом слове после т и копечного л». Но на снимке и прориси хорошо видно, что первая буква в первом слове не о, а ѣ с небольшим, узким, но отчетливым верхом. Вторая не т, а г (горизонтальная линия почти не выходит влево за вертикаль). Третья не п, а н — у нее нет крышки, но видна косая перекладина почти посередине. После к не р, а ѹ, повернутое вправо (сходны и другие примеры этой буквы в надписи, ср. также подобное начертание в македонском Служебнике пресвитера Николая (ГИМ, Хлуд.117) конца XIII в.² Пятая буква во второй строке

² О датировке рукописи см.: [Дополнения1993: 24-25, примеч. 36].

не к (она слишком отличается от несомненного начертания в верхней строке), а по всей очевидности — χ. С учетом всех этих корректив надпись читается следующим образом: Ὁ γνιλικὸ ζῦβυ τῦχολι — «У Гнилка зубы тухлые». Надпись дает новое мирское имя, а по смыслу это очевидная дразнилка, обыгрывающая значения «тухлый» и «гнилой». Необычное падежное окончание имени (-ϣ вместо -α) возникло, возможно, под влиянием последующего гласного.

№ 190. XIII в. [Высоцкий 1976: 86, табл. LXXXIV, LXXXV]. Чтение С. А. Высоцкого (Γη помилῦν // и прости раба // своего сь[μ]ϛ//нови моего // во косе бе сь//[гр]ϛшиχου) не вызывает сомнений и возражений до имени включительно. Далее следует текст «неграмотного писца», открывающий, подобно предыдущему рассмотренному граффити, простор для фантазии издателя. Прочтение сопровождается следующим комментарием (перевод: «Господи, помилуй и прости раба своего Семена моего, во косе был согрешили [?]»): «В надписи много неясного. По И. И. Срезневскому, слово “косой — это тот, кто уклоняется от прямого направления. В соответствии с этим, указание надписи “во косе согрешиху”, надо, вероятно, понимать так, что Семен согрешил, отклонившись от установленных моральных норм. В надписи, несомненно, есть намек на состояние потерпевшего. Возникает вопрос: не следует ли понимать указанное выражение, как то, что Семен, совершая свой грех, был пьян? Как кажется, именно в таком смысле употреблено слово “косение” в одном из отрывков Пандектов Антиоха XI—XII вв.: “...Всеми чувствии въздржати зрениемъ, слоухомъ, обоняниемъ, языкомъ же и чревом и косениемъ”...».

В. В. Колесов в рецензии на книгу уже высказывал сомнения по этому поводу: «Если сочетание **вокосе** понято правильно (№ 190, с. 86), вряд ли слово **косой** в XIII в. имело значение “пьяный”» [Колесов 1978: 150-151]. Здесь как-то даже неудобно напоминать, что «косение» Пандектов Антиоха Черноризца не имеет никакого отношения к винопитию, поскольку это одно из чувств — осязание («касание»).

При обращении к снимку и прориси видно, что третья буква после имени не и, а н, следующая за нею, вероятно, о, а не ε. Первая буква пятой строки в, а не в. Пятая буква в пятой строке, возможно, не с (как читает Высоцкий), а пожка т, верх которого утрачен. Последняя буква в шестой строке не ϣ, а о с острым верхом, к которому справа позднее пририсована косая черта. Окончание надписи читается таким образом: **моноγο // во ко себе (или тебе?) сь//грϛшиχο** — «много бо к себе (тебе?) согрешил».

№ 203. XIII—XIV вв. [Высоцкий 1976: 94-95, табл. ХСVI, ХСVII]. Чтение С. А. Высоцкого: *҃и помози равоу // своемуо мирь(с)нимъ имень//мъ //путькови а хръс//тине евстратиеви // свата Софие и свати//и онуфрие і свѣт ----- // и свати лазорь //----- и помни//лун же отъца моего ду//ховьнаго и брата // по василиа*. Прочтение сопровождается следующим комментарием: «Автор надписи подчеркивает, что Путько — его мирское имя. Он обращается к богу, Софии, Онуфрию и Лазарю, не забывая при этом и “отца духовного и брата Василия”. Эта приписка дает нам основание считать, что Путько и Василий были монахами.

Имя Евстратий, которым называет себя автор, встречается среди послушников Киево-Печерского монастыря (следует сноска на издание Киево-Печерского патерика 1911 г. — А. Т.). Возможно, речь в обоих памятниках идет об одном и том же лице. В пользу этого говорит: совпадение имен, местонаписание граффито в Киеве и монашеский сан авторов» [Высоцкий 1976: 94].

Прочтение и интерпретация этой весьма пространной надписи не вызывали бы особых сомнений, если бы публикатор по обычаю не игнорировал некоторых букв (*по* в последней строке) и несогласованностей собственного прочтения (*мирь(с)нимъ имень//мъ* — строки 2-3, *по хръстине* — 3-4). Разумеется также, что нет никаких оснований считать Путько-Евстратия и его духовного отца Василия монахами. Духовник должен быть у каждого христианина, а монах едва ли стал бы упоминать свое мирское, т.е. языческое, имя, которое противопоставлено в надписи данному при крещении («хрестному»), а *отшодь* не ииоческому. Неприемлемо и отождествление автора надписи с персонажем Киево-Печерского Патерика, которого Высоцкий именуется почему-то «послушником» (вместо «постриженника»?). Надпись публикатор справедливо датирует XIII—XIV вв. (скорее это все же XIII в., возможно даже не очень поздний), в то время как Евстратий Постник, о котором повествует Патерик, скончался мученической смертью в 1096 или 1097 г. (подробнее об этом см.: [Литаврин 1994: 66-82; Карпов 1997: 7-16]).

Обратимся к снимку и прориси граффито. Окончание первого слова во второй строке С. А. Высоцкий читает как *уо* (обратный порядок написания диграфа). В принципе такое написание возможно (см., например: [Рождественская 1992: 136]), но далее издателем игнорируется аналогичная ситуация, когда на фотографии также виден овал после *у*: в словах *путькови*, *онуфрие*. Не видно его в первой строке (*равоу*) и в девятой (*духовьнаго*), но в последнем случае окончание строки вооб-

ще видно очень плохо. Неясно, в чем здесь причина — в дефекте ли штукатурки или же в невыдержанном правописании.

Второе слово во второй строке издатель дает в переводе как «мирским», и на рисунке в тексте воспроизводит его с выносным С под угловым титлом. На снимке и на прориси выносной буквы и титла не видно, между тем буква после **ь** несомненно **н**, а не **к** (как **н** она дается и на рисунке в тексте). Слово читается как **мирънимъ**, что не меняет смысла, поскольку «мирный» известно не только в значении «тихий», «кроткий», но и в значении «относящийся к миру-свету» [Срезневский 2: стб.151].

Несомненно также, что **мъ**, читающееся в конце третьей строки после пропусков, является завершением второй, т. е.: **имень//мъ**. Читаемые в порядке строки эти буквы разрывают слово **хръ//стни**. Вероятно, писец пропустил их и дописал потом, или же обошел неудобный по какой-то причине для письма участок штукатурки (подобно тому, как в рукописи текст обходит отверстие в пергамене, возникшее в процессе выделки кожи). Буква в четвертой строке перед именем **евстратиеви** не второе **е**, а по всей видимости **ь** или **ъ** — окончание слова **хръс//тни<мъ>**. Судя по размеру утрат в конце строки 7 и в начале следующей, а также по тому, что первые читаемые буквы строки 8, перед **н поми** (не воспроизведенные издателем на рисунке и не учитываемые при переводе, но заметные на снимке и прориси) — **ца**, пропуск достаточно надежно можно заполнить словами **н <свѣтаа Па//тъни>ца** (в значении великомученица Параскева — ср.: [Срезневский 2: стб. 1799]) или **н <свѣтаа // трон>ца** (судя по положению реконструируемого чтения в конце, а не в начале, перечня, первый вариант представляется более вероятным). Тогда следующее утраченное слово по смыслу и по формуляру **спаси** (или **спси**). Утраченное начало последней строки, стоящей на 1-2 пункта правее предыдущих, скорее всего **по** (возможно, что **п** заметно в мачте инициала). Первое слово нижней строки по всей вероятности **<по>па** — вторая сохранившаяся буква видна плохо и в равной степени может быть и **о** и петлей от **а**.

В целом же надпись читается следующим образом: **гн помози рабѣ // своему(?) мирънимъ имень//мъ// пѣ(?)тъковн а хръс//тъни<мъ> евстратиеви // свѣтаа Софие и свѣти//и Ону(?)фрие. і свѣт... // и свѣти Лазорь н<свѣтаа Па//тъни>ца (или <свѣтаа // трон>ца?) <спаси> н поми//лѣи же отъца моего дѣ//ховьнаго и врата (его?) <по>п[а] Васири[а].**

№ 212. XIII в. [Высоцкий 1976: 97-98, табл. СII, СIII]. Чтение С. А. Высоцкого: **м(с)ц[а] // дѣгѣ//ста // въ іа // днѣ пре//ста**

вн с[▲] // рабѣ вѣи//и Борисѣ // с[ε] внє γ в // Марѣ. Комментарий следующий: «Неясно содержание двух последних строк. Как кажется, в них говорится о том, что событие произошло в день памяти какого-то святого или святой: “се бие у в Марѣ”. Неясно, какой день имеется в виду, так как день памяти Марии Египетской — 1 апреля, а Марии Магдалины — 22 июля. Числа эти не соответствуют дате, указанной в надписи — 11 августа».

Обращение к снимку и прориси подтверждают правоту хода мысли первоиздателя, но не его прочтение. На снимке и прориси начало второй снизу строки (после слова **борисѣ** //) не поддается прочтению, но последние три буквы в ней несомненно **εγв**. Первая буква нижней строки, определяемая С. А. Высоцким как **м**, таковой в действительности не является — достаточно сравнить ее с этой буквой в слове **м(с)ц**. Это две буквы — **п** и **л**. Третья буква — **а**, четвертая не **р**, а **д** (хотя она и отличается несколько по начерку от той же буквы в слове «день»). Следующая буква скорее **ь**, а не **ъ** — ее верхушка не имеет выраженного отворота влево. Последняя — **л**. Конец надписи таким образом читается: ...**εγв**//**пла дьл** (далее, судя по всему, утрачена строка с окончанием слова **-кона**) Память диакона Евла приходится на 11 августа [Сергий 2: 242], что соответствует месяцу и числу, указанным в начале надписи.

№ 218. XIII—XIV вв. [Высоцкий 1976: 100-101, табл. CVIII, 1, СІХ, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **м(с)цл декабрь вѣ [Г] днь // на памл(т) стѣхъ минки // и [Г]ермогена пр[ε]ста//вн сл рабѣ вѣи оле-зандрос**. Перевод: «Месяца декабря в 10-й день скончался раб божий Александр».

Общий смысл надписи передан в издании правильно, но прочтение весьма небрежно. Во второй строке после слова **стѣхъ** читается не пренебрежительно-залихватское «Минки», а единственно возможное здесь **м<ч>нк<ъ>**. Далее начало имени, завершающееся на третьей строке: **<м>н//н<ъ>**. Для написания **Гермогена** на третьей строке нет места, учитывая, что между именами должен быть еще союз **и**. Единственно возможный здесь (и исторически существовавший) вариант — **Ермогена**. Имя в конце завершается, вероятно, не буквой **с**, а стилизованной греческой «стигмой».

С. А. Высоцкий датирует надпись XIII—XIV в., но не исключена и датировка значительно более поздняя. Широкое **о** в начале имени и **з** указывают, возможно, уже на XV в. К сожалению, совершенно нельзя рассмотреть такие важные для датировки буквы, как **ч** и **ъ**.

№ 219. XIII—XIV вв. [Высоцкий 1976: 101-103, табл. СХ, СХІ]. Чтение С. А. Высоцкого: **стѣи Оноуфрив<с п>омлоу//и мл раба сво-**

его Проца // Валерца Аврама // а по Бѣлгородъскаг//о еѣпа Иоана Златоустаго. Перевод: «Святой Онуфрий, помилуй и меня, раба своего Прова, Валерца, Авраама белгородского епископа (церкви) Иоанша Златоустаго». К тексту и переводу дан пространный комментарий:

«В надписи в первую очередь привлекает внимание то, что после слов “помилуй меня, раба своего Прова”, написанных в единственном числе, стоят еще два имени: Валерец (уменьшительное от Валерий) и Авраам. Это несоответствие, вероятно, следует объяснить тем, что автор (Пров) сначала хотел написать обращение к Онуфрию только лично от себя, но затем вспомнил и дописал других лиц — Валерца и Авраама, имевших к нему какое-то отношение. После указанных имен в записи следует: “по Белгородского епископа Иоанша Златоустаго”. Выражение “по Белгородского епископа” не совсем ясно. В связи с этим напомним похожее выражение из рассмотренной выше надписи Путька (№ 203), в которой после обычного обращения к Онуфрию о помощи сделана такая приписка: *“помилуй же и отца моего духовного и брата по Василия”* (курсив С. А. Высоцкого — А. Т.). Автор просит не только за себя, но и за Василия. Вероятно, то же значение имеет “по” и в рассматриваемой надписи.

На первый взгляд может показаться, что Иоанном Златоустом в граффити назван епископ из Белгорода. Но это невероятно, так как Иоанн Златоуст — имя известного святителя, которому в Белгороде была посвящена церковь, названная так в записи.

Имя автора записи — Пров. Дальше он упоминает какого-то Валерца. Оба они, кажется, были клириками белгородского епископа Авраама...

В надписи идет речь о последнем белгородском епископе, имя которого — не известное из летописных источников — Авраам. Интересно также упоминание кафедральной церкви XIII в. в Белгороде, построенной в честь Иоанна Златоуста».

Такое прочтение и истолкование надписи не представляется удовлетворительным. В сущности, из всего сказанного можно согласиться лишь с тем, что в XIII в. в Белгороде была церковь Иоанна Златоуста, хотя вовсе не обязательно кафедральная. Остается необъясненным несоответствие между единственным числом молитвенной формулы и следующими за нею тремя именами. Несомненно, режет глаз и фантастический титул «Белгородский епископ» Иоанна Златоуста. При этом С. А. Высоцкий справедливо замечает, «что епископов на Руси называли по месту расположения кафедры, а попов — по их храмам» [Высоцкий 1976: 102]. Это, несомненно, позволяет уточнить часть содержания надписи.

Если обратиться к фотографии и прориси, то становится ясно, что последней буквы во второй строке (в имене **проца**), читаемой С. А. Высоцким как **а**, в действительности не существует: в этом месте имеется выбоина, не затрагивающая текста и далеко выходящая за правый край окончания пяти верхних строк, выдержанный удивительно ровно (историки книгопечатания сказали бы, что писец вполне овладел мастерством «выключки строк»), хотя и не вертикально. Реальная последняя буква второй строки (предпоследняя в публикации) не **ч**, а несомненно **з**: хорошо сохранилась ее верхняя часть в виде прямого титла, которую можно сопоставить с начальной буквой в слове «Златоустого». Третья буква в третьей строке не **л** — она сильно отличается срезанным верхом от несомненных начертаний этой буквы в словах «помилуй», «Белгородского», «Златоустого». Очевидно это **п** трапециевидной формы. Таким образом, конец второй и начало третьей строки следует читать: **проз//ва перьца**. В первом из слов пропущена или написана как маленькая выносная, незаметная на снимке, буква **н** — **прозва(на) перьца** (аналогичный случай пропуска или выноса буквы встретится и ниже). Так получает объяснение противоречие в молитвенном объяснении между двумя именами и единственным числом «раба своего», поскольку оба имени принадлежат одному лицу — Аврааму по прозвищу Перец³. Вторая и третья буквы четвертой строки, упоминаемые С. А. Высоцким в комментарии, по опускаемым при переводе — **по**, несомненно следует читать как **по(па)**. Вторая буква **п** либо пропущена, либо это тоже незамеченная выносная. Слово в строке 5, начиная со второй буквы, считаемое первоиздателем как **ѣпа** («епископа»), несомненно другое. На снимке отчетливо видны лишь полуокружие первой буквы, титло и перечеркнутая мачта последней, возможно, **а** (ср. начерки в слове «Авраам»). По контексту следовало бы ожидать **сѣго** или **сѣла** (в последнем случае последняя буква была бы остатком **па**), не исключено, что **т** написано выносным правее первой буквы. Но если даже принять чтение **ѣпа**, то оно относится не к Аврааму, а к названию церкви.

Таким образом, надпись читается: **сѣын Оноуѣрннс помилуѣ//и мѣ раба своего про[з]//ва(на) Перьца Аврам//а по(па) Бѣлгородьскаг//о (сѣла?) Иоана Златоуѣтаго**. Из нее узнаем о существовании в Белгороде церкви Иоанна Златоуста и новое древнерусское некалендарное имя — Перец.

³ Прочтение и интерпретация А. А. Гиппиуса.

№№ 221 и 222, XIV в. [Высоцкий 1976: 104-105, табл. СХII, 2, СХIII, 2, СХIV, 2; СХV, 2]. Два этих граффити объединяет персонаж, изобретенный С. А. Высоцким, поэтому целесообразным кажется рассмотреть их вместе. Чтение № 221: **сомнѣ помощникъ // не ѹбою сѧ что ство(р)и // мнѣ члвкъ**. Перевод: «Сомн-помощник. Не побоюся, чего бы не сотворил мне человек». Комментарий: «Автор надписи сообщает, что на фреске изображен Сомн (Симон) Зилот(?), которого он называет “помощник”. Далее он объясняет, что с таким помощником ему не страшно, что бы не сделал ему человек. Под человеком автор, вероятно, имеет в виду какого-то своего врага».

Чтение надписи 222: **сѣѡи с[о]мнѣ // сѣѡиѧ Софне // бѹдете (бѹдетѧ?). ми помощник[и]**. Перевод: «святой Сомн, святая София, будьте мне помощниками». Комментарий: «Автор надписи, обращаясь к фресковому персонажу — Сомну, призывает его себе в помощники, как и Софию. Формула надписи с обращением не только к святому, но и к Софии — поздняя. Запись интересна также в связи с упоминанием имени Сомна, которое ранее не было известно для данного фрескового изображения».

Прочтение первой из надписей вызывает сомнение даже не потому, что загадочный Сомн, которого нет ни в каких святцах, не может означать «Симон». На фотографии отчетливо видно, что пятая буква в первой строке не **ъ**, а **ѣ** — очень близкое к начертанию в слове «**мнѣ**». Буквы с третьей по пятую соответственно тоже читаются как «**мнѣ**», и загадочное имя исчезает.

Т. В. Рождественская абсолютно справедливо указала на непосредственный литературный источник текста — псалом 117, стих 6: «Господь мне помощник, не убоюся, что сотворит мне человек» [Рождественская 1992: 15]. Известные колебания могут быть лишь в отношении прочтения первых двух букв (по предположению исследовательницы **гъ** — «господь»). На снимке не видно титла, а первая буква выглядит скорее округлой чем угловатой — **с(?)**. Возможный вариант прочтения: **сѣ мнѣ помощникъ** (и далее, соответственно по тексту). Возможно, писец написал цитату из Псалтыри на изображении своего небесного покровителя, имя которого, к сожалению, неизвестно.

С исчезновением Сомна в граффито № 221 возникает необходимость перечитать и надпись 222. На фотографии видно, что третья буква первого слова не **ъ**, а **ѧ** с большой треугольной петлей и скошенной правой линией (мачтой ее нельзя назвать из-за наклона), почти не выступающей за петлю (верх, возможно, поврежден). Стоящая за этой буквой слегка изогнутая вертикаль не является самостоятельным знаком (**с** по С. А. Высоцкому), а составляет единый со

следующим (**га** или **ѡ**). Зато дальше отчетливо читаются не одна буква (широкое, разорванное посередине, **м** у С. А. Высоцкого), а две — **а** и **н**. Последняя буква в строке не **ъ**, а **а**, сходная по начертанию с написанной в первом слове после **т**. Итак, первая строка — **стага (-ѡ) Анна**. Другие поправки незначительны. Третья и четвертая буквы второй строки читаются, по всей видимости, как **-ѡѡ** (а не **ѡѡѡ**, как у С. А. Высоцкого). Последняя буква первого слова в третьей строке **бѹДЕТ-**, воспроизводимая Высоцким в прориси как **о**, на снимке не видна, заметна лишь дуга в нижней части. Это может быть только **ѡ** или **а** (что менее вероятно). Предпоследняя буква последней строки, которую публикатор почему-то воспроизводит как **К**, несомненно, **Ц**. Надпись в целом читается: **сѹга(-ѡ?) Анна // сѹга(-ѡ?) Соѡне // бѹДЕТЕ (бѹДЕТА?) ми // помощниц(-и)**. Если в надписи действительно употребляется «юс малый йотированный», ее следует датировать не позднее XII в.

№ 295. Золотые ворота, XI–XII вв. [Высоцкий 1985: 12, табл. 1, 4]. Чтение С. А. Высоцкого граффито, служащего подписью к плохо сохранившемуся рисунку, изображающему всадника на коне: **оскъма кон[ъ]**. Согласно публикатору, «в этом фрагменте с уверенностью читается последнее слово “конь”, хотя очень вероятно, что предыдущее слово — собственное имя или притяжательная форма прилагательного, образовавшая от этого имени. Было ли среди древнерусских имен имя Оском или Оско, неизвестно, но оно близко встреченным в Софийском соборе именам авторов граффити, как Усько, Путько, Путько и т. д.»

Оставим на совести первооткрывателя, каким образом из **“Оско”** могло получиться **“Оскъма”**, и обратимся к снимку и прориси. Заметно, что надпись действительно связана с изображением — буквы могут размещаться на разном расстоянии, чтобы не затрагивать контур рисунка. Левее **о** в первом слове, с промежутком примерно в один знак, чтобы не перечеркивать конскую ногу, отчетливо видна буква **м** в форме двух соприкасающихся «лямбд». С учетом ее начертания становится ясно, что после **ъ** написана не **м**, а **н**. Она несколько отличается по начертанию от предпоследней буквы надписи, но еще меньше у нее общего с первой, несомненной **м**. Последняя буква не **ъ**, а **ѡ** — довольно высокая перекладина заметна и на фотографии и на прориси. Эти уточнения определяют иную разбивку и интерпретацию фразы (предложены В. Б. Крысько): **москъ на конѡ**.

Если с концом ситуация ясна, то этого нельзя безоговорочно сказать о всаднике. Вероятнее всего, первое слово сохранилось полностью — левее буквы **м** на фотографии и на прориси видны две или три верти-

кальные черты, но по всей видимости они не относятся к надписи (во всяком случае они явно не похожи по начертанию на наиболее подходящее в данном случае местоимение **се**). **Москъ** (**Мъскъ**) — имя или прозвище явно некалендарное, означающее мула. Оно могло быть дано обладателю не только за бесплодие (или импотенцию), но и за упрямство, символом которого мул является наравне с ослом. В любом случае надпись выглядит дразнилкой («мул на коне»), при этом весьма экзотической, поскольку едва ли мул был распространенным животным в Киеве (примеры, сообщаемые «Материалами» И. И. Срезневского и Словарем русского языка XI–XVII вв., явно не отражают древнерусских реалий). Предположение, что **москъ** является уменьшительной формой от христианского календарного имени, наталкивается на следующие препятствия. Число имен, начинающихся на **мос-**, очень ограничено. При допущении, что исходной формой является имя Моисей («Мосей» — ср. совр. болг. «Моско»), для столь раннего времени необъяснимо отсутствие редуцированного в суффиксе. В то же время редкое монашеское имя Мосхиан, которое в принципе могло бы дать искомую форму, славянскими месяцесловами, насколько известно, не зафиксировано [Сергий 3: 644].

Надпись едва ли следует датировать XI–XII вв., как это предложил С. А. Высоцкий. Она невелика по размеру и ярко выраженные датирующие начертания в ней отсутствуют. Верхний временной рубеж составляет время разрушения постройки — 1240 г.

№ 311. XII–XIII вв. [Высоцкий 1985: 33, табл. XIII, 1, 2]. Чтение С. А. Высоцкого: **҃и помози ра/вѣ своему Іоа/н[и]ю грѣшьному на многа лета**. Комментарий: «По своему содержанию надпись довольно обычна. Единственно, что отличает ее ... это написание имени автора в дательном падеже — Иоанию вместо Иоанови или Иоану».

Написание и в самом деле необычное. Обращение к фотоснимку показывает, что имя скорее читается **Исакню**. Интересно отметить написание **лета** через **е**.

№ 313. XII–XIII вв. [Высоцкий 1985: 33–34, табл. XIV, 1]. Чтение С. А. Высоцкого: **҃и помози равѣ своему Ильина прот[и]рънѣ**. В переводе разбивка на слова начальной части несколько отличается: «Господи, помози рабу своему Илье...». Комментарий: «Приписка в конце надписи “а про Тирънѣ”, видимо, должна свидетельствовать, что автор граффити — Илья просит помочь ему накауне или в день Федора Тирена (так! — А. Т.), 17 февраля». Из комментария следует, что надпись издатель прочел неверно и смысла ее не понял, в результате чего прибегает к домыслу.

Слово **своему** написано через **є**, а не через **и** (как в наборном тексте). Эффект **и** создается за счет того, что наклонное **є** (почти прямая черта без округления) прикасается язычком к левой половине **м**. В следующем слове две буквы — **ь** и **і** прочитаны издателем как одна (**ы**). Далее читается не **и**, а **н**. Пятая буква в последнем слове не **р** (она сильно отличается от несомненных начертаний в слове «рабу» и от второй буквы в последнем слове). На снимке (но не на прориси) видно, что это **в** — скошенное вправо и сходное по рисунку с буквой в слове «своему». С учетом этих поправок надпись читается однозначно — **Гни помози рабу своему Ильѣ на прот<и>вѣне** («Господи, помоги рабу своему Ильѣ на противников»).

№ 362. Церковь Спаса на Берестове, 1499 или 1599 г. [Высоцкий 1985: 77-78, табл. XXVII, 1-2]. Чтение С. А. Высоцкого: **Гни помози бѣ исн//ѡвни освободи водалка // вє[р?] з лѣта**.

Истолкование надписи составляет один из своеобразных «шедевров» трехтомного корпуса, отмеченных особым взлетом фантазии публикатора, характерным, как уже отмечалось, для особо дефектных граффити. Полное цитирование построений С. А. Высоцкого заняло бы неоправданно много места, поэтому остановлюсь лишь на ключевых моментах. Красугольным камнем реконструкции и одновременно источником вдохновения послужило, несомненно, прочтение второго слова в третьей строке как **водалка**, что трактуется как родительный падеж от **водалей** в значении «знак зодиака», «зодиакальное созвездие». Опираясь на зодиакальный перечень Изборника 1073 г., снабженный календарной привязкой знаков (указанием на месяц и день вхождения Солнца в определенную зодию), издатель интерпретирует это слово как дату — 20 января. Завершение даты (год) он видит в последней строке, переводя ее как «7 (**З**)» или «107 (**рз**) года» (**вє[р?]** при переводе почему-то игнорируется); при этом поясняется, что для древнерусской традиции обычно написание дат без цифры тысяч. Из двух предложенных вариантов даты предпочтение отдается первому, объясняемому как (700)7 (1499) г.

Натянутость предложенной интерпретации, ее противоречия реальной традиции и формуляру написания дат не вызывает никаких сомнений, Устойчивая формула написания даты в славянских и греческих средневековых памятниках имеет порядок: год, месяц, число. Определение месяца и числа по знаку зодиака для славянской традиции беспрецедентно, привязка внутригодового зодиакального периода к определенным числам установленных месяцев отнюдь не подразумевает принципа обратного соотнесения. Даже при допущении

пии подобной «зодийной» системы обозначения она возможна только с указанием дня внутри нее (т. е.: «Водолея в такое-то число»), а для крайних дат с пояснением типа «наставшей (или «скончавшейся») такой-то зодии». Написание даты без цифры тысяч действительно возможно, но только в том случае, если она содержит цифру сотен. В этом смысле отвергнутый С. А. Высоцким 107 (1599) г. теоретически возможен, по 7-й как 1499 (7007) абсолютно исключен.

Обеим предложенным датировкам противоречит употребление буквы Е иотированное в слове **водалка** (прочтение С. А. Высоцкого). Она окончательно выходит из употребления в третьей четверти XV в. даже в Новгороде и Пскове, где дольше других центров сохраняются традиции XIV в. В рукописной книге наиболее поздний датированный пример дает Евангелие апракос, написанное в 1463 г. в Пскове (РНБ, Пог. 18) [Бетин 1972: 198-199]; встречающиеся иногда в научной литературе датировки 1470—1480-ми гг. нескольких панатгий, в надписях на которых встречается эта буква [Николаева 1971: №№ 8, 41, 42; табл. 8, 30, 31], ошибочны — в действительности эти памятники относятся к более раннему (никак не позднее второй четверти XV в.) времени. Другое дело, что реально эта буква в надписи отсутствует (см. ниже).

Даты 1499 и 1599 г. не согласуются и с историей храма, на стенах которого начертано графрито. Церковь Спаса на Берестове находилась в руинированном состоянии если не с монгольского нашествия 1240 г., то после крымского набега на Киев в 1482 г. и восстановлена лишь митрополитом Петром Могилой в 1636 г. Едва ли молитвенную надпись сделали в промежутке между этими датами на стене заброшенного храма.

Если же обратиться к воспроизведениям надписи, то прежде всего заметна ее фрагментарность (что отмечает и С. А. Высоцкий); возможно, имеются утраты в конце первой и второй строк. В первой строке можно отчетливо разобрать буквы **озн бѣ** (и по ним реконструировать начало) [.]си. Во второй сомнений не вызывает только две последние буквы: **ва**. Третья и четвертая строки сохранились значительно лучше. Третья надежно читается, начиная со второй буквы — **и**. За **в** следует, очевидно, **а**, а не **о**. Она гораздо ближе к этой букве в конце второй строки и в конце последней строки, чем к **о** в слове **помози**, хотя имеет более короткую спинку. За нею несомненно следует не **д**, а **р** с крупной треугольной головкой — на фотографии хорошо видно отсутствие правой «ножки». За **р** идет не **а**, а **л**, верхняя часть которого слилась с трещиной. Следующая же буква, напротив,

не л, а а. Предпоследняя буква повреждена, но учитывая ее ширину и конфигурацию, а также то, что она находится между двумя гласными, это м. Последняя буква в этой стороке не га, а а — знак иотации, видимый на прориси и данный в прочтении, образован трещиной. Таким образом, вместо загадочного **ВОДАЛКА** читается имя в родительном падеже — **Варлама**.

Последняя строка сохранилась целиком и она состоит из одного слова. В нем присутствует буква р — через это место проходит глубокая царапина, обойденная писцом, при этом промежуток между е и з (вторая и третья буквы) лишь немногим больше расстояния между следующими буквами (л и ъ). Предпоследняя буква несомненно не т, а п. Слово читается как: **БЕЗЛѢПА**. Не вполне ясно лишь, что это — прозвище Варлаама или самоуничижительная характеристика, краткая форма прилагательного («безлепого Варлаама»). При всей дефектности надписи общий смысл ее (молитвенное обращение с просьбой о заступничестве) ясен, она не содержит даты написания и по всей видимости лишена каких либо значительных лексических сюрпризов. Прочтением заключительных строк этой надписи я во многом обязан В. Б. Крысько, обратившему на нее мое внимание. Нереальность варианта и датировки, предложенных С. А. Высоцким, были понятны мне и раньше, однако конкретных исправлений до последнего времени я предложить не мог.

Надпись следует датировать, вероятно, XII—XIII вв. Верхнюю границу очевидно составляет, как уже говорилось, ранее, 1240 г.

№ 387 (надпись из Кирилловской церкви). Коп. XIII — нач. XIV вв. [Высоцкий 1985: 93-94, табл. XLVIII, 1, 2]. Чтение С. А. Высоцкого: **ГН ПОМОЗИ РАБА СВОЕМОУ // СТЬ(Н)ѢАНОВИ ПОПО[ВНЧ]//ЕОУ ОТ РАТИ ЕВПА[Ъ]А/НА**. Перевод: «Господи, помози рабу своему Стефану поповичу, от рати Евсиана(?)». Комментарий: «Надпись содержит четыре строки, написанные не очень грамотным человеком. В первую очередь, следует отметить несогласованность в падежах между словами “раба” и “своему”. Конец второй строки испорчен потертостью штукатурного слоя, поэтому слово «поповичеу» восстанавливается лишь с некоторой долей вероятности. Приписка в третьей строке «от рати» и плохо читаемое далее имя (календарное Евсиан?), вероятно, сделаны совсем другим лицом. Об этом свидетельствует сравнение написания некоторых букв» (следуют примеры — А. Т.).

Оставляя в стороне вопрос о календаре, в котором издатель сумел найти имя «Евсиан» и почему оно передается в надписи как «Евпьян», обратимся к фотовоспроизведению и прориси.

В первой строке действительно много невразумительного. Так, второе слово здесь **мози** с надписанным пад **м** маленьким **п**. На месте **с** и **о** слова «своему», помещенных на прориси, на снимке видны лишь длинные косые царапины, пересекающие все строки надписи. Овал после буквы **У** в последнем слове, возможно, не буква. Это тот случай, когда воспроизведения не дают полноценного представления о надписи. Во второй строке квадратик правее верхней части **ь** в слове **Стъѣданови** едва ли следует читать как букву (**н** — по мнению издателя).

Предельно проста ситуация с третьей строкой. С. А. Высоцкий, как цитировано выше, считает ее частично написанной другим писцом. Однако это невозможно. Она либо целиком принадлежит рассматриваемой надписи, либо полностью отдельна от нее (я придерживаюсь первого мнения). Она вовсе не содержит фантастического окончания слова **попо[внч]ѳоу**, в ней читается (без конца) только имя **ѳоустратив[н?]** (Евстратию или Евстратиеву?).

Список источников и литературы

- АИ патерик 1991 — Азбучно-Иерусалимский патерик: Указатель начальных слов. СПб., 1991.
- Антология 1985 — Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв. / Сост.: Бабишин С. Д., Митюров Б. Н. М., 1985.
- Бетин 1972 — *Бетин Л. В.* Псковская миниатюра 1463 г. и некоторые проблемы псковской живописи середины XV в. // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972.
- Библиотека 1997 — Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4 (XII в.).
- Богданович 1982 — *Богданович Д.* Инвентар ѿрильских рукописа у Југославији (XI—XVII в.). Београд, 1982.
- Высоцкий 1966 — *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. Вып. 1 (XI—XIV вв.).
- Высоцкий 1976 — *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.
- Высоцкий 1985 — *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI—XVII вв. Киев, 1985.
- Давыдова 1990 — *Давыдова С. А.* Патериковые повести в составе древнерусского Пролога // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43.
- Дополнения 1993 — Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986) / Сост.: Охотина Н. А., Турилов А. А. М., 1993.

- Карпов 1997 — *Карпов А. Ю.* Несколько замечаний к Слову о преподобном Евстратии Постнике // Россия и Христианский Восток. М., 1997. Вып. 1.
- Колесов 1978 — *Колесов В. В.* Рец. на книгу: Высоцкий С.А. Средневековые надписи... // Вопросы языкознания. 1978. № 1.
- Литаврин 1994 — *Литаврин Г. Г.* Киево-Печерский патерик о работорговцах-иудеях в Херсонесе и о мученичестве Евстратия Постника // Славяне и их соседи. (Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века — Новое время). М., 1994. Вып. 5.
- Молитвы 1596 — Молитвы повседневные. Вильна, 1596.
- Николаева 1971 — *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971 // Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. Е1-49.
- Орел 1997 — *Орел В. Э.* Гости повгородские. Новгородские граффити Софии Киевской // Древнейшие государства Восточной Европы, 1995. М., 1997.
- Орел, Кулик 1995 — *Орел В., Кулик А.* Наблюдения над языком древних киевских граффити // Wiener Slawistischer Almanach, 1995. Bd. 27.
- Плюханова 1995 — *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Рождественская 1992 — *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI—XV вв. СПб., 1992.
- Сводный каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.
- Сергий 1-3 — *Сергий, архиеп. (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1-3 (репринт изд. — Владимир, 1901. Т. 1-2).
- Словарь 1-4 — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988—1991. Т. 1-4.
- Смирнова 1994 — *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Новгорода Великого. XV в. М., 1994.
- Срезневский 1-3 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912. Т. 1-3.
- Страхов 1995 — *Страхов А.* Палеографические догадки: III-IV // Palaeoslavica [Vol.] III.
- Строев 1846 — *Строев П. М.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие... И. Н. Царскому. М., 1846.
- Теодорович 1956 — *Теодоровић-Шакота М.* Инвентар рукописных книг Деачанске библиотеке // Саопштења Завода за заштиту и научно проучавање споменика културе Народне Републике Србије. Београд, 1956. Кн. 1 (Конзерваторске и испитивачки радови).
- Янин 1986 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986.
- Янин 1992 — *Янин В. Л.* Эпиграфические заметки // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
- Янин 1993 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993.

-
- Le Feuvre 1997 — *Le Feuvre C.* Un nouvel adjectif dans un document kiévien (L'inscription № 67 de la cathédrale Sainte-Sophie) // *Revue des études slaves*. 1997. № 3.
- Orel 1995(1) — *Orel V.* Ancient Kievan Graffiti: Linguistic and Historical Sources // *Palaeoslavica*. Cambridge: Massachusetts, 1995. [Vol. III].
- Orel 1995(2) — *Orel V.* Unofficial Old Russian Graffiti of Kiev // *Zeitschrift für Slavistik*. 1995. Bd. 40.